

Михаил Васильевич Авдеев

Варенька



Михаил Авдеев

Варенька

«Public Domain»

Авдеев М. В.

Варенька / М. В. Авдеев — «Public Domain»,

Содержание

I	5
II	6
III	10
IV	14
V	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Васильевич Авдеев

Варенька

(Рассказ Ивана Васильевича)

I

Весной 184* года я возвратился благополучно в свое родовое Редькино, которое, по домашним обстоятельствам, ездил перезакладывать в Московский опекунский совет. Вечером за самоваром, который был подан часом позже обыкновенного, потому что моя Марья Ивановна рассматривала и примеривала чепцы да уборы, привезенные мной с Кузнецкого моста, я наслаждался семейным счастьем. В саду перед окнами мои четверо мальчишек пересматривали и рвали книжки с картинками, отнимали у сестры куклы, кричали и возились, несмотря на присутствие двух нянек, которые сидели в пяти шагах. Я, куря трубку, любовался ими, допивал третий стакан чаю, пускал колечки из дыму и слушал жену, которая, отобрав от меня нужные сведения о моей московской жизни, рассказывала свои домашние распоряжения, вновь открытые ею мошенничества по имению, меры исправления и, наконец, жизни и приключения наших соседей. Перебрав по косточкам старых знакомых, очередь дошла до новых; я стал внимательнее.

– В Рыбное приехал, – говорила Марья Ивановна, – новый помещик Тамарин, франт, говорят, такой. Я его еще не видела... Ведь ты его знаешь?

– А! Сергей Петрович приехал! Давно пора; ведь уж два года, как умерла покойница Анна Игнатьевна; я с ним познакомился еще зимой в Н. по случаю размежки, и еще тогда говорил, что надо ему побывать в Рыбном. Насилу послушался!

– Как же, так он тебя и послушался! Большая нужда ему, что в деревне обворовывают! Приехал бы он за этим, если б не было Лидии Петровны!

– А! И Лидия Петровна здесь?

– Здесь, уж недели две, как с мужем притащилась; он старик, а ей лет двадцать пять; такая хорошенькая. Нездорова, говорит, нужен сельский воздух. Невидаль – сельский воздух, будто в Петербурге воздуху нет!

– Как же, матушка! Известно, сельский воздух очень здоров, в книгах пишут и все говорят!

– Вздор все говорят: я вот седьмой год живу в деревне, а все больна.

После этого мне о воздухе спорить было нечего: действительно, дня не проходит, чтобы моя Марья Ивановна чем-нибудь не пожаловалась: то бок завалило, то под ложечкой давит, а сама, прости Господи, так и плывет: всякий месяц капоты расставляют. Странная болезнь такая!

– Ну, что? А каков этот Сергей Петрович? Гордец, говорят.

– Э, полно, матушка! Правда, он немного со странностями и сначала как будто горд, – ну, человек нынешнего века, не нашего поля ягода, – а впрочем, славный малый! Я у него не раз обедал: гастроном такой.

– Так тебе, душанчик, надо сделать ему визит, и самим отплатить ему хлебом-солью. Поедешь к нему?

– Поеду, матушка, поеду, только меня что-то сон клонит; чаю я больше не хочу, а велика дать поужинать.

II

Дня через три я собрался объездить моих соседей. Позавтракав, часу в десятом утра, я велел заложить тарантас, взял в узелок новый коричневый фрак и отправился. Ближе всего от нас Рыбное. Оно принадлежало бригадирше Анне Игнатьевне княгине Кутуказевой, а после нее досталось внуку ее по дочери, отставному поручику Сергею Петровичу Тамарину, к которому я и ехал. Рыбное стоит над озером, в котором водится немного раков и очень много лягушек. Сообразив это, мне показалось странным его название. Я обратился к кучеру:

- Терентий, в Рыбном озере ведь нет рыбы?
- Нет, – сказал он, не оборачиваясь.
- Так отчего же оно названо Рыбным?
- Да на берегу завод, вино курят, – отвечал он, не задумавшись.

Мне показалось это объяснение не совсем понятным: почему озеро названо Рыбным оттого, что на берегу винокуренный завод? Я усомнился даже, действительно ли Терентий хотел ответить на мой вопрос, или в его курчавой, угловатой голове лениво переворачивалась идея о вине и винокуренном заводе и он на первый вопрос выпустил эту завалившуюся идею. Дальнейшие расспросы я почел излишними и молча доехал до Рыбного. Старый барский дом, в котором жил Тамарин, был выстроен над озером. Деревянный, длинный, серый от старости, грустно глядел он своими мелкими зелеными стеклами с горы на противоположный плоский берег. От дома до озера спускался старинный английский сад с заросшими аллеями из столетних деревьев. Вправо и влево тянулись сперва службы и амбары, а потом крестьянские избы. Сзади каретники, конюшни, гумно и далекое пустое поле, с зеленеющими озимыми и черным паром. Когда я подъехал к крыльцу, на колокольчик выбежал хорошенький мальчик, в сером куце фраке, с белыми гербовыми пуговицами.

- Дома Сергей Петрович?
- Дома, сейчас встали. Как прикажете доложить?
- Скажи из Редькина, мол, Иван Васильич. Мальчик убежал, а я вошел в большую залу, с низенькими хорами. Посредине стоял бильярд, верно, переставленный по приказанию Сергея Петровича, потому что прежде он стоял в боковой комнате, правда, немного узкой, но в стороне более в ней мебели не было.

Через минуту вошел высокий усатый человек в сером, тоже каком-то куце не то сюртуке, и то фраке – это был камердинер Сергея Петровича я его видел в городе.

– Сергей Петрович извиняется: они еще не одеты, – сказал он. – А если вы не будете в претензии, то приказали просить.

После этого приема я хотел было воротиться да надеть коричневый фрак, но раздумал. Сергей Петрович – человек хороший, да городской и еще столичный, в деревне извиняется, что не одет, люди во фраках да жилетах, и всего-то двое в доме! Желал бы я посмотреть, как бы он вырядил так двадцать семь человек моих дворовых?

Человек провел меня в среднюю гостиную, из которой дверь вела в сад; у покойницы тут была чайная, а он из нее сделал кабинет. Сергей Петрович встретил меня в дверях. Я думал, что он и в самом деле не одет или если и прикрыт чем, то чем-нибудь этак в роде онатюрель, как говорится, а он сидит у себя дома, а сам точно с модной картинки, что жена получает. Черный, странного покроя robe de chambre на малиновом подбое, брюки, которые как-то закрывали ногу вплоть до самого носка, что мог только один немец выдумать, а русскому человеку и в голову не придет, и сверх них крошечные бархатные туфли, которые, по правде сказать, моей Марье Ивановне и на шелковый чулок не взлезут.

– А! Иван Васильич, это вы? А мне сказали, что какой-то Редькин приехал, – сказал Сергей Петрович, протягивая мне свою маленькую руку, которую я всегда боялся дружески пожать, опасаясь сломать ее.

– Нет, Сергей Петрович, это я. Я сказал: доложи, мол, Иван Васильич из Редькина; а мальчик и перебрал. Редькин! Какой я Редькин? Я слава Богу, Попов, а не Редькин!

– Не хотите ли чаю? – сказал Сергей Петрович, опустившись в вольтеровское кресло и усадив меня против себя.

– Покорно вас благодарю, я уже позавтракал; а впрочем, от стаканчика с дороги не откажусь.

Мне подали чаю; на столе стояли ветчина, масло, телятина. Сергей Петрович предложил мне их к чаю, уверяя, что это очень хорошо. Но я поблагодарил и, признаюсь, подумал было, что он хочет подшутить надо мной: мне и в голову бы не пришло, что можно есть ветчину с чаем, если бы после не видал своими глазами, как сам Сергей Петрович не раз употреблял ее. Станный человек был этот Сергей Петрович! Я, например, никогда не видел, чтобы он горячился. Староста ли его надует, а он заметит; призовет старосту, скажет, что он дурак, потому что и надуть порядочно не умеет, – и он у него опять старостой; лакей ли налижется до положенья риз, лыка не вяжет, на ногах не стоит, а уверяет и божится, что маковой росинки во рту не бывало, – у меня вчуже сердце надорвется, а Сергей Петрович с ним и не спорит, велит ему лечь спать и на другой день ничего не сделает! Добр был он очень, а уж язычок – не приведи Бог! Смешно сказать: я, например, и турецкую кампанию делал, и в Польше был, пули, бывало, визжат над ухом, ядра летят над головой – не поклонись, стоишь себе к ничему, только какие-то мурашки по телу ползают; а когда в обществе зайдет речь про меня и Сергей Петрович в разговор вступит – поверите ли? – беспокойно на стуле сидеть и платье как будто узко становится! Думаешь себе: как вздумается ему окрестить тебя так, шутки ради, каким-нибудь словом, холодно, мимоходом, как он иногда это делает, а огорошит им хуже пули, и насмеется над тобой всякий, и дурак, и умный, и пойдет это словцо, из уст в уста, – ну, опозорит на веки! Да еще так, что и придаться не к чему. Однако ж Сергей Петрович, спасибо ему, никогда надо мной не смеялся; за это, может, и любил я его.

Да, я его очень любил, хотя, по правде сказать, мне от него не было ни тепло ни холодно. Только сам не знаю отчего, а я всегда чувствовал над собой его превосходство, и это меня несколько не удивляло и не огорчало, как будто так и следовало быть. А как подумаешь – так точно удивительно, потому что не один я, хотя другие и не сознаются, и не относительно только себя я видел это превосходство, эту какую-то силу, которая делала то, что когда он бывает в обществе, каком бы то ни было, где даже и важные люди есть, хотя он молчит себе, хоть ничего не делает, а чувствуешь, что первый в этом обществе Сергей Петрович! Ну, что он такое? Отставной поручик, еще и армейский, владетель каких-нибудь трех сотен душ, не князь, не граф, а Тамарин, то же, что наш брат Попов! За что бы, казалось, считать его лучше себя и других? Так нет, подите же, считаешь себе да и только! Разве что умен? Действительно, умен, в этом и враг его сознается. Да что в этом уме? Какую пользу приносит ему этот ум, позвольте вас спросить? Что он, заставит каждого язык прикусить?! Велика важность! Что ж это за ум, с которым он весь век только глупости делает? Напроказничал что-то в Петербурге, историю имел, карьеру испортил и был бы без гроша, как бы не бабушкино наследство! Да это и всякий сумеет сделать! По-моему, такой ум гроша не стоит! Григорий Григорьич, например, вот так ум! Пошел служить писцом во фризовой шинели, а теперь с тысячью душ, и капиталец есть. Вот ум, так ум!

Сергей Петрович был среднего роста, тонок и чрезвычайно строен; ноги и руки крошечные, но мускулистые; черты лица правильные, умные и чрезвычайно спокойные; волосы светлые, мягкие, шелковистые; глаза большие, карие, прекрасные глаза, но странные. Обыкновенно они, как и все лицо его, были очень холодны и покойны; но, казалось, в глубине их

таилась какая-то особенная сила. Если он одушевлялся, что, впрочем, бывало довольно редко, то они начинали светиться более и более. Тогда в них одних проявлялось столько воли, твердой и непреклонной, такая сила характера, какую мне никогда не случалось видеть в самых резких и выразительных физиономиях, а в нем и подозревать было нельзя. Вообще он был недурен собой, по-видимому, довольно слабый, бледный, очень грациозный, но медленный в движениях и как будто усталый. Раз я его спросил:

– Отчего это вы всегда как будто утомлены чем-то, Сергей Петрович?

– Жизнью, Иван Васильич, – отвечал он по обыкновению полушутя, полусерьезно, так что не знаешь, высказывает ли он свою мысль, или говорит, чтобы только сказать что-нибудь.

«Есть отчего устать, – подумал я. – Тяжела твоя жизнь: поутру ногти чистить, а остальное время барыням сказки сказывать».

Итак, сидел я у Сергея Петровича, пил чай и курил из своей дорожной трубки, а он, по обыкновению, курил папиросу да ногти чистил: поутру он вечно насвистывает итальянские арии да ногти чистит, такая уж у него была привычка. Я ему говорил про озими да про запашку, а он мне отвечал, что ничего в них не понимает. Так мы проговорили с час места.

Погода была чудесная, дверь в сад была растворена, чрез нее вид на озеро и за ним на красивую усадьбу барона Б*** был отличный; в воздухе не шелохнется; мы сидели да покуривали, когда вошел мальчик и подал Сергею Петровичу на маленьком серебряном подносе записочку. Ну что опять за мода на серебряном подносе записочки подавать? Ведь вез же ее, чай, фореитор в засаленном полушубке! Не на подносе же вез он ее?

Сергей Петрович лениво пробежал записку, бросил на стол и велел сказать: «хорошо».

«От кого бы это? – думал я. – Бумажка с гербом и облатка гербовая».

– Что вы улыбаетесь, Иван Васильич? – спросил Сергей Петрович.

– Да ничего, я так улыбнулся!

– Вы думаете о записке?

– Я нескромных вопросов не делаю, – отвечал я.

– Эта записка от баронессы Б***, она зовет меня ехать верхом с ней; видите, тут нет ничего особенного.

– Что тут необыкновенного, что молодая дама к вам записки пишет! Очень обыкновенно.

– Вы находите, может быть, это странным, непозволительным? – сказал Сергей Петрович таким тоном, как будто он спрашивал киргиза: «А что, странно, братец, что я вилкой беру говядину?»

– Нет, – отвечал я, – чего ж тут непозволительного, верхом ездить очень позволительно. – А сам думаю: что ж мне за дело, ведь записка не от Марьи Ивановны, а чужой лоб не мне на голове носить.

Сергей Петрович позвонил.

– Оседлать Джальму! Я взялся за фуражку.

– Подождите, Иван Васильич, куда вы?

– Да я к Мавре Савишне.

– К какой Мавре Савишне?

– В Неразлучное.

– Это по пути к барону?

– По одной дороге: версты три за Лункиным.

– Поедемте вместе!

Сергей Петрович спросил переодеться: надел серенькую жакетку, круглую кожаную фуражку с длинным козырьком, взял хлыстик, – ну, англичанин чистый! – и мы отправились, он верхом, а я в тарантасе. Пока мы ехали вместе, я любовался Джальмой. Что это за конь! Карабаир чистой крови! Сергей Петрович привел его из Оренбурга, где купил на меновом дворе у хивинцев. Тонкий, стройный, весь из жил и кости. А привязан был к Сергею Петро-

вичу как собака. Бросит он его, и стоит Джальма как вкопанный; защелкает Сергей Петрович, свистнет, и Джальма пред ним как лист перед травой. Серый в яблоках; чуть проедет на нем, и он делался розовый: так тонка была у него кожа; глаза горят, а смирен как голубь! Сергей Петрович сказывал, что он купил его на пристяжку. В первый раз он пошел удивительно. Во второй только поднесли хомут, а он и задом и передом; кое-как ввели в постромки, он изорвал зубами хомут на себе и коренной и лег – так и отбился от запряжки. Но уж верхового коня я лучше не видывал!

Я и не видел, как мы обогнули озеро и подъехали к Лункину, так засмотрелся я на коня и седока. И седок хорош; сидел как прикованный; отлично ездил Сергей Петрович, и, спасибо, не по-английски, а по-русски... терпеть не могу этой езды вприсядку! Только он вечно сидел в седле опустившись, как будто ему тяжело держаться прямо: видно, привык к мягким креслам.

– Сергей Петрович! – сказал я ему шутя. – Продай коня.

– Не продажный, а заветный, – отвечал он.

– А что завету?

– Да то, чего нет у вас, Иван Васильич: женское чистое сердце! – сказал он, кивнув головою, и повернул в Лункино к барону.

«Экий сердцеед какой! Вишь чего захотел», – подумал я и поехал крупной рысью к Мавре Савишне.

III

Есть лица, в присутствии которых становится как-то тепло на сердце. К числу их принадлежала моя добрая знакомая и соседка Мавра Савишна со своей дочкой Варенькой. Перо мое с любовью останавливается на их портретах.

Мавра Савишна была вдова секунд-майора, добрая русская помещица полутора ста душ; как теперь вижу ее маленькую фигурку с чепцом на голове, очками на носу и вечным чулком в руках. Я не знаю человека, который бы не любил Мавры Савишны. Правду сказать, знаю мало я таких, кого бы она не любила.

Мавра Савишна почти безвыездно после смерти мужа жила в деревне да любовалась своей дочкой Варенькой. Варенька была для нее все, и не на бесплодную почву падала любовь ее: Варенька стоила этой любви.

Не будь я женат и не имей пять человек детей, я бы влюбился в Вареньку... да нет, не влюбился бы: не посмел бы влюбиться в нее, а любил и люблю ее как родную дочь; и мудреного нет – она выросла на моих глазах.

Будь я живописец и скажи мне кто-нибудь: «Иван Васильич, напиши какого-нибудь вестника радости и мира», – и я бы написал портрет Вареньки.

Ей было осмнадцать лет; она была немного более среднего роста. Не была она полна и не была тонка, но такого грациозного, такого гибкого, так мягко схваченного стана и не придумаешь. И голова была по стану: во всем лице ни одной классически правильной, резкой черты, которая бы бросилась в глаза; но все так чисты, так добры, так сгармонированы, что казалось, природа с особенной любовью занималась созданием их. Больше всего мне нравились ее глаза: большие, темно-голубые, светло и спокойно смотрели они на Божий мир, как будто в нем не было ни нужды, ни горя, ни потерь, ни заботы, ни длинного ряда заблуждений и обманов, в конце которого часто стоит разочарование и могила.

Я сказал, что Мавра Савишна почти безвыездно жила в деревне, но я ошибся: когда Вареньке минуло шестнадцать лет, она две зимы сряду ездила с ней в свой губернский город, где у нее были дела.

В эти две зимы Варенька выезжала много, и не одни вечер, далеко за полночь, молча просиживала на балах Мавры Савишны, любуясь на свою дочку.

Но свет не привязал к себе Вареньки своими пестрыми удовольствиями, своими ловкими кавалерами. Весело и покойно смотрела она на офицеров и белогалстучных франтов. Шутя выслушивала она их полуплутистые, полусерьезные признания, и ни разу ее девственное сердце не забилося сильнее обыкновенного. Варенька любила всех и потому никого не любила. Смотря на своих подруг, которые часто выбирали ее в поверенные, она большей частью находила их глубокие чувства слишком мелкими, их вечную любовь слишком кратковременной, их постоянных обожателей слишком ветреными; странны и непонятны казались ей увлечения любви, и, раздумывая о себе в долгие вечерние прогулки по темному саду, сознавала она, что не способно ее доброе любящее сердце забиться этой любовью, что не закипит огнем страсти ее теплая кровь и что благо сделала природа, дав ей много любви и раздробив эту любовь на весь мир.

Вареньку воспитывала гувернантка-швейцарка. В шестнадцать лет Варенька бегло играла на фортепьяно, говорила по-французски как француженка и пела серебряным голосом хоть и без искусства, но с той натуральной прелестью, которую природа дает соловью и иногда хорошенькой девушке. Добрая гувернантка не успела налюбоваться своей питомицей: она умерла в то время, когда та начинала только жить, и оставила Вареньке свой маленький капиталец, скопленный в ее же доме, – так любила она ее!

Но Варенька, оставшись одна, со своей доброй, любящей ее до беспамятства матерью, но которая не имела на нее никакого морального влияния, не была уже ребенок. Спокойно закрылись глаза ее доброй гувернантки, которая знала, что в ее семнадцатилетней Вареньке есть чистая душа, верный и светлый взгляд на жизнь и крепкая твердая воля.

Итак, я ехал в Неразлучное. За полверсты приветливо взглянул на меня желтенький домик с зелеными ставнями; у подъезда с низким поклоном встретил меня старый слуга Савельич, в длинном синем сюртуке и с зачесанными с затылка наперед волосами; а на террасе, выходящей в сад и крытой холстом от солнца, радушно приняла Мавра Савишна в широких креслах, с очками на носу, тоненьким чулком в руке и собачкой у ног.

– Ба, Иван Васильич! Здравствуйте, батюшка, здравствуйте! Каково в Москву съездили? А мы соскучились без вас. Вчера еще Вареньку спрашиваю: что, мол, это Иван Васильич долго не едет? А она говорит: не знаю, маменька. Ан вот и Иван Васильич! Ну, очень рада... А что Марья Ивановна?

Я подошел к руке, сказал, что Марья Ивановна слава Богу и свидетельствует свое почтение, – ну, и прочее.

Мавра Савишна спросила меня, не хочу ли я закусить, и хоть я и отказался и сказал ей, что сейчас только чай пил и закусывал, и честью уверял, что сыт, но она все-таки велела подать водку и завтрак: такая уж была хлебосолка!

– А что Варвара Александровна? – спросил я.

– Варенька в саду: Володя Имшин из города приехал и письмо ей привез, так она и спрашивает его про городские новости. Варенька! Варенька! – кричала Мавра Савишна, склонясь за перила: – Иван Васильич приехал!

– Иду, тапан, иду! – отвечал серебряный голосок, и в аллее показалась стройная фигура Вареньки.

Володя Имшин был наш земляк и сосед Мавры Савишны. Лет пять назад отец отвез его в Петербург и, возвратясь домой, умер, как будто ему и делать на свете было нечего. Володя остался сиротой, не доучился в каком-то заведении, прослужил года два в канцелярии и с чином четырнадцатого класса вышел в отставку, чтобы заняться имением, которое досталось ему от отца довольно запутанным. И хорошо сделал Володя, что вышел в отставку: до генералов он бы не дослужился, а имение бы расстроил. Имшин был мальчик лет двадцати с небольшим, румяный, курчавый, хорошенький собой; все его любили как доброго малого, и губернские барышни, с которыми он вместе вырос, звали его меж себя Володей, а в глаза Вольдемаром.

Чрез минуту пришла Варенька из сада и за ней Володя. Беленькая, розовая, она протянула мне свою маленькую ручку, и в голубых глазках ее я читал удовольствие.

– Откуда вы? – спросила она меня после первых обычных вопросов.

– Из Рыбного от Сергея Петровича Тамарина.

– А вы знакомы с ним?

– Как же! Имею это удовольствие, – отвечал я.

Мы поговорили о том о сем. Подали закуску; я выпил рюмку травнику, который у Мавры Савишны был отличный. Мавра Савишна вышла куда-то по хозяйству. Мы остались вдвоем.

Володя закурил папиросу и стал разговаривать с попугаем, который сидел в углу; а мы с Варенькой пошли в сад.

– Так вы знаете Тамарина? – начала Варенька.

– Знаю! – отвечал я. – Хорошо знаю.

– Похож он на демона?

– Господь с вами, Варвара Александровна! С чего вы это взяли? Сергей Петрович – хороший человек. А впрочем, я демона не знаю!

– Вам мой вопрос показался странным; но прочтите, что мне пишет Наденька.

И она вынула из кармана и подала мне тоненькое письмецо на разрисованной бумажке.

Вот что писала Наденька, губернская девушка и львица, задушевный друг Вареньки.

«Вчера вечером Володя был у нас и сказал, что он едет в свою деревню и, конечно, тотчас же увидит тебя, *ma chere Barbe!* Как я позавидовала ему, как я хотела бы обнять тебя, расцеловать и поболтать о многом, о многом! Впрочем, о чем же бы мы стали говорить с тобой? Я все это время не живу, а прозябаю. Молодежь у нас все такая скучная, приторная; веселостей нет, скучно, Варенька! Володя все вздыхает по тебе и ждет случая уехать! Тамарин тоже уехал. Да! Ведь Тамарин в ваших краях, кажется; видела ли ты его? Это лицо очень замечательное, хотя я его терпеть не могу. Он приехал сюда прошедшей весной, вскоре после твоего отъезда. Молва опередила его, и вскоре он стал у нас героем гостиных; он очень умен, недурен собой, остер и зол на язык; с ним весело поболтать, но этакого холодного создания, этакого эгоиста я не видывала! Он ухаживал и ухаживает здесь за всеми, от нечего делать, и громко говорит, что не хочет никого обижать невниманием, и потому завел очередь: действительно, у него волокитство продолжается неделю. Для меня он сделал исключение и не ухаживает вовсе, за что я ему очень благодарна. Брат, который с ним воспитывался, писал мне, что в школе они его прозвали демоном. Я иногда, чтобы подразнить его, также называю демоном, в насмешку, и уверяю его, что он вовсе не так опасен. Но он никогда не обижается, и если замечание колко, то огрызнется: правду сказать, за словом в карман не ходит, и мне никогда не удавалось рассердить его. Бог знает, что у этого человека на душе, но на лице никогда ничего не прочтешь. Хоть он и уверяет, что был влюблен семнадцать раз, но мне кажется, что он никогда не любил и не может любить, и если он не опасен как демон, зато горд и самолюбив как не знаю кто.

Прощай, *ma toute cherie!* Значит, мне нечего писать тебе, когда я целое письмо проговорила о Тамарине. Когда я перечла его, так мне стало досадно, и я хотела изорвать его, но подумала, что оно тебе, может быть, пригодится, если ты с Тамариным еще не знакома. Если же знакома, то поклонись ему от меня: он всегда со мной был вежлив, — за вежливость вежливостью. Нынче лиф обшивают рюшиком, узеньким-узеньким, а на самом кончике мысочка сажают бантик.

Toute a toi Nadine.

P.S. Здесь пронесся слух, что Тамарин уехал в деревню, потому что в соседство к нему приехала какая-то баронесса Б***, из-за которой он имел историю. Пожалуйста, узнай, правда ли это, и что это была за история, и какова баронесса? Все напиши поподробнее: это меня очень интересует».

— Что вы об этом думаете? — спросила меня Варенька, когда я прочел письмо.

— Я думаю, во-первых, что Наденька сердита на Тамарина, потому что он за ней не ухаживает, хотя и заинтересована им.

Варенька улыбнулась.

— И потом, я думаю, что дурно знаю Тамарина, считая его только за доброго малого.

— Почему же это?

— А потому, что в школе его прозвали демоном. Школьные названия удивительно верны и всегда чрезвычайно обрисовывают характер.

— В самом деле? Так вы думаете, что Тамарин действительно похож на демона?

— Мне казалось, что нет, а теперь я начинаю этому верить. У нас, например, входит в училище один новичок, а товарищ мой, школьник страшный, и кричит: «Господа! Барон Брамбеус пришел». Что ж, и вышел второй Брамбеус: остряк был страшный.

— Знаете ли, Иван Васильич, мне бы хотелось увидеть Тамарина.

Мне, не знаю почему, показалось это желание неприятно.

— Полноте, Варвара Александровна! В нем и интересного ничего нет, он и на демона совсем не похож. Какой он демон!

– Вам, кажется, не хочется, чтобы я его видела, – сказала она, улыбаясь. – Уж не боитесь ли вы за меня? – И она посмотрела на меня так спокойно, так самоуверенно своими голубыми глазками, что я убедился, что никакой демон не вскружит ее голову.

– Хотя и силен демон, да он ангелу ничего не сделает, – сказал я. – Нет, я не боюсь за вас.

– Ба, Иван Васильич, это комплимент, кажется?

– Нет-с, не комплимент, это я так сказал; а вот приезжайте с маменькой в четверг к нам, чай кушать; я и Сергея Петровича позову.

– Хорошо, – сказала она. Я пробыл у Мавры Савишны весь день и поздно вечером возвратился домой.

IV

В четверг, часов в семь вечера, приехала Мавра Савишна с Варенькой, немного погодя Сергей Петрович и с ним вместе барон Б*** с женою. Марья Ивановна с баронессой познакомилась еще до моего приезда, и я тоже был у барона. Барон был человек лет 60, полный, круглый лицом, довольно важный и чрезвычайно довольный собой старичок, жена его, дама лет 23–24, высокая, худенькая, стройная и очень бледная. Лицо у нее было предоброе, но в больших черных глазах было много смелости и цинизма: эта женщина, должно быть, испытала горе, но не поддавалась ему. Кто будет глядеть на одно ее лицо, тому будет ее жалко; кто взглянет в глаза – холодно отвернется от нее.

Вечер был чудесный. Мы пили чай на террасе. Потом баронесса сказала, что она хочет посмотреть сад. Сергей Петрович подал ей руку, а мы остались. Разговор шел о цветах. Варенька просила позволения нарвать букет; я было хотел исполнить ее желание, но она сказала мне, чтобы я не беспокоился, и убежала одна.

Минут через пять она возвратилась с букетом.

– Иван Васильич, посмотрите, какой чудесный георгин я нашла у вас. Я пошел к ней навстречу.

– Мне бы хотелось, чтобы Тамарин бывал у нас, – сказала она, когда я наклонился, чтобы рассмотреть цветок.

Меня удивило это желание. Варенька была горда и никогда ни в ком не искала. Я взглянул на нее вопросительно: щеки ее горели, тихие глаза светились более обыкновенного; видно было, что ее что-то раздосадовало.

– Я скажу ему, что вы этого желаете, – сказал я.

– Как это можно!

– Так как же это сделать?

– Скажите ему от себя, посоветуйте, сделайте, как хотите. – И она это сказала тоном балованного дитяти, которое не знает «нет», когда говорит «я хочу».

Я задумался. Новых знакомств без нужды Тамарин не очень любит; советовать ему было нелегко: не таков он, чтобы послушал советов. Я был в затруднении.

– Сделаете, Иван Васильич? – сказала Варенька, и в голосе ее была такая настойчивость и просьба, она так мило и уверенно посмотрела на меня, что я ни за что на свете не захотел бы отказать ей.

– Хорошо, будьте покойны, – сказал я. Вскоре возвратились и баронесса с Тамариным.

На дворе стало темно и сыро. Подали свечи, и все перешли в гостиную.

Баронесса взяла шляпу, сделала знак мужу и, извинясь, что у нее болит голова, уехала. Мы с Тамариным вышли ее провожать; он тоже было взялся за фуражку, но я у него отнял ее.

– Погодите, закусим, – сказал я.

– Да я никогда не ужинаю!

– Ну, уж там как хотите, а без хлеба-соли не отпущу.

Делать было нечего: он возвратился в гостиную. Я взял его за руку и подвел к Мавре Савишне.

– Сергей Петрович Тамарин, внук покойной княгини Анны Игнатьевны, – сказал я.

Тамарин, спасибо ему, не показал виду, что мое неожиданное представление его удивило. Он молча поклонился.

– Очень рада познакомиться, батюшка, очень рада! – говорила Мавра Савишна. – Я с покойной княгиней была очень дружна. Она вас очень любила и часто вспоминала о вас. «Что бы Сереже навесить меня на старости, хоть бы раз его, голубчика, увидеть!» – говаривала

покойница, дай Бог ей царство небесное; да не исполнилось ее желание. Конечно, не ваша была воля: служба не свой брат.

– Я бабушки не видел с семи лет, – сказал Сергей Петрович, – и, признаюсь, едва ее помню.

– Ну да, конечно, где ж вам помнить ее; а покойница вас очень любила.

Потом разговор перешел к добрым качествам покойницы, о которых распространялась, впрочем, только Мавра Савишна, да изредка жена ей поддакивала; потом разговор сделался общим, потом стали ужинать, а потом наконец и разъехались.

– Милости просим к нам, – сказала Тамарину Мавра Савишна, уезжая. – Мы ведь соседи и вам всегда будем рады!

– Что вам, Иван Васильич, пришла фантазия представить меня старушке? – уезжая, сказал мне Сергей Петрович, не совсем с довольным видом.

– Она ваша соседка, добрая такая, вам будет у них весело, у нее дочь – невеста, – пробормотал я.

– А мне-то что?

– Как что? Она – девушка с состоянием...

– Хм! Полтора ста душ! – сказал Тамарин.

– Конечно, состояние небольшое, зато хорошенькая!

– На всех хорошеньких не переженишься, – сказал он, садясь в коляску.

«Ну, да ты там что себе ни думай, а желание Вареньки я исполнил, и придется тебе познакомиться с ними», – думал я про себя.

И в самом деле, Тамарин был у них на другой день с визитом и даже обедал, потому что без обеда от Мавры Савишны уехать было нельзя.

А дня через три Варенька отправила письмо в город следующего содержания:

«Я его видела, мой друг, Наденька! Видела твоего демона, и ему суждено занять в этом письме, конечно, столько же места, сколько и в твоём. Ты нехотя заинтересовала меня им, и мне захотелось его видеть. Третьего дня мое желание исполнилось: я видела Тамарина у Ивана Васильича, и первое впечатление было не в его пользу. Я ожидала увидеть высокую, холодную фигуру, брюнета, с резкими чертами и черными как смоль глазами, и вдруг вижу блондина, среднего роста, стройного, вежливого, веселого, острого. Нет, не таким я воображала демона! Тамарин показался мне очень обыкновенным, но потом, взглядевшись в него, я нашла, что демон под этой личиной гораздо опаснее моего идеала. Действительно, есть что-то странное, загадочное в Тамарине, чего бы, может быть, я и не заметила, если бы не желала разгадать, за что этого молодого человека прозвали демоном. Например, заметила ли ты, когда он весел и смеется? У него смех идет не от души, он как будто смеется только наружно. Потом, эти мягкие темно-карие глаза; мне кажется, он ими может передавать мысли, хотя совсем не прибегает к этим гадким манерам, которые называются «играть глазами». Я это заметила вот почему: у Попова была баронесса Б***, с которой Тамарин действительно, кажется, очень короток, хотя за ней совсем не ухаживает. Когда мы отпили чай, Тамарин взглянул на баронессу, холодно, как будто нечаянно; но мне показалось, что в этом взгляде была какая-то воля. И действительно, баронесса тотчас объявила, что она хочет посмотреть сад, и подала Тамарину руку. Но что всего замечательнее в нем, это грациозная медленность его движений, как будто он устал от какой-то внутренней борьбы, как будто ему лень жить на свете. Не удивляйся, та еще, что я так подробно разбираю твоего демона: во-первых, он меня заинтересовал своим названием; во-вторых, в деревне всякое лицо интересно, и, в-третьих... я изучаю его, потому что мне с ним предстоит резкая встреча, потому что он меня обидел и я хочу отомстить ему. У меня от тебя нет секретов. Вот как это было: когда Тамарин гулял по саду с баронессой, я пошла нарвать букет. Наклонясь в кустарник, я рвала цветы, как вдруг слышу в аллее за густыми

акациями голоса. Говорили баронесса и Тамарин; ни мне их, ни им меня видеть было нельзя; я невольно слушала.

– Знаешь, демон, меня пригласили сюда для тебя (она говорила ему «ты» и тоже называла демоном; последнее меня удивило; неужели это название так идет к нему, что и в Петербурге зовут его демоном?).

– Что за идея! – сказал он.

– Да тут нет ничего странного: Попова и муж едва меня знают и, кажется, не очень любят; они хотели, чтобы тебе не было скучно, и пригласили меня; они, вероятно, знают, что я твоя принадлежность, что я тебе нужна для того, чтобы ты менее скучал. – Последние слова баронесса произнесла с какой-то холодной горечью, и мне стало жаль ее.

– Что тебе за охота мучить себя пустыми предположениями! – говорил Тамарин. – Ты знаешь, что я люблю тебя более всех.

– Да, оттого, что ты никого не любишь...

Тамарин молчал.

– Ну, не сердись! Отчего не говорить ясно о своем положении? Тебя, я знаю, оно не обманывает, зачем же мне обманывать себя.

Тамарин все молчал.

– Ты думаешь, что мне досадно это приглашение? Что за вздор! Не все ли мне равно, что думают обо мне Поповы, когда я не дорожу ничьим мнением. Напротив, я очень довольна, что тебя вижу. Мне только неприятно, что сюда привезли Вареньку!...

– Это отчего? – спросил Тамарин.

– Я не знаю, почему-то мне неприятно ее видеть. Я боюсь, чтобы она хотя на минуту не приковала тебя к себе.

– Дитя! Что за ревность! И к кому же? К семнадцатилетней деревенской девочке!..

– А она недурна, – сказала баронесса.

– Да, я люблю этот русский тип: славные русые волосы, глаза с поволокой, темно-голубые, кажется? И потом, румянец прямо деревенский; впрочем, она должна быть девочка с характером: у нее тонкие, круто загнутые брови.

– Когда ты успел так рассмотреть ее? – с досадой спросила баронесса.

– Ты знаешь, что я при первой встрече всегда обращаю внимание на выражение лица; надобно знать человека, с которым встречаешься, в особенности женщину.

– И ты узнал Вареньку?

– Да, у нее, кажется, экзальтированная головка, которую можно вскружить в неделю.

– Фат! Ты это можешь, я тебя знаю.

– К чему! – сказал он.

– Да хоть к тому, чтобы заставить страдать по себе. – Тут она закашлялась.

– Пойдем, Лидия, сыро, тебе вредно, – сказал Тамарин. И они ушли.

– Ты не поверишь, как этот разговор рассердил меня! Я деревенская девочка, с экзальтированной головкой, которую можно вскружить в неделю! Я, которая две зимы не знала, что делать с поклонниками, и ни одного из них не любила! Не слишком ли много вы берете на себя, mr. Тамарин? Посмотрим, кто кому вскружит голову: деревенская ли девочка победоносному демону, или он ей! Возвращаясь в комнаты, у меня явилось ужасное желание отомстить Тамарину: в эту минуту я его ненавидела, как и ты. Я сделала так, что он с нами познакомился и вчера целый день пробыл у нас. У него оригинальный ум и взгляд на вещи; я очень весело провела с ним время и, признаюсь, была с ним любезнее, чем с кем-нибудь. Ты не поверишь, как мне хочется отомстить ему. Матап взяла с него слово, что он будет бывать у нас.

Володя бывает у нас почти каждый день и по-прежнему вздыхает обо мне. *Toute a toi. Barbe*».

V

Дни шли за днями, и немного прошло дней, а много изменили они Вареньку. Тамарин чаще начал бывать у них. В тихие, темные июньские вечера долго хаживал он с ней по тенистому саду, и речь их была оживлена и непрерывна, и добрая Мавра Савишна, сидя на террасе с вечным чулком, с любовью смотрела на свою Вареньку. О чем была их речь, не знаю; но говорил и правил ею большею частью Тамарин. Мало-помалу он терял свой официальный, всегда холодно-вежливый характер, он становился разнообразнее, нецеремоннее и натуральнее. Иногда он был весел и оживлен, бойко и резко шел острый разговор, и звонкий смех Вареньки долетал до слуха Мавры Савишны, и Мавра Савишна была тоже весела и довольна. Чаще Тамарин был холоден и грустен; тихо звучала его спокойная и долгая речь, и Варенька становилась задумчивее и грустнее. Румянец бледнел на ее розовых щечках, и пристально смотрела она своими большими темными глазами в бледное лицо Тамарина, как будто хотела вычитать на нем всю грустную повесть его прошедшей жизни, спуститься в темную глубину души, в которой рождалась и из которой текла эта охлажденная, отравленная горьким опытом речь. И Мавра Савишна была тогда тоже скучна и беспокойна и часто спрашивала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.